

Журналист Геннадий Бочаров: Пишу так, чтобы быть понятым

25 сентября, знаменитому очеркисту, репортеру и писателю Геннадию Бочарову исполняется 85 лет. Последние двадцать из них он не меняется, в журналистском сообществе известен исключительно как «Гек», по-прежнему передвигается со скоростью тайфуна, вкуса к жизни

не теряет. Список его наград колоссален, в нем есть и «Золотые перья», и боевой орден Красной Звезды... Накануне юбилея мы говорили о журналистике и жизни. Хотя Бочаров разделять их не способен.

– Геннадий Николаевич, в эти дни вас «воспоют», и не раз. И это будет правильно, поскольку «таких больше не делают». Но давайте немного абстрагируемся от юбилея и поразмышляем...

– Послушай, ну его, этот юбилей. Я специально из Москвы уехал, на даче спрятался. Для дня рождения заранее придумал фразу: «Старше меня только крест!» И все, хорош. А к такой вещи, как размышление, я вообще прибегал редко. Начинаю размышлять – давление поднимается. И вот: «Поразмышляем?» О чем?

– Хотя бы о том, что бог нынешнего времени – «Википедия» – излагает вашу биографию в подробностях. Но все же вместит не все.

– Понятия не имею, что там написано. Честно! Технику отдал, пишу от руки, как всегда и делал. Мне Габриэль Маркес говорил, что писать нужно только так. Пишу, кстати, мучительно, переписываю все по пять-семь раз.

– Вот-вот. Обо все этом. Вы же начинали свой путь шахтером. И

дело не в том, что сделали головокружительную творческую карьеру, а в том вкусе, с которыми жили и живете. Ваша жизнь – результат желания, случай, судьба?

– Почти три года проходчиком был! У меня трудовая книжка с этого начинается, с работы в силикозноопасных вентиляционных сбойках. Три года работы – и цементация легких начинается. Журналистика началась как-то постепенно. Знаешь, вообще, если честно, я никогда не ставил себе ни одной цели и никогда не жил по плану, хотя и воспитывался в самой плановой стране мира – СССР, где по плану развивалось все, от свинарника до космоса. Но было нечто другое у меня. Некое самоустремление, что ли...Фаустовская жажда познания мира! Но я не люблю возвращаться к прошлому. Конечно, правда в том, что у меня было немало уникальных встреч и впечатлений. Сегодня у нас в стране нет человека, который трое суток беседовал бы с президентом фонда Рокфеллера или к которому прилетал бы спецрейсом на разговор признанный мудрец XX века Адин Штейнзальц, издавший трехтомник комментированного «Талмуда» в переводе на современный иврит. Кстати, он много лет назад написал потрясающую книгу «Социология невежества», предвосхитившую то, что происходит в мире сейчас. Никто у нас не дружил с Габриэлем Маркесом. История о том, как они с женой Мерседес приехали к нам в гости и из-за отключенного лифта шли пешком на шестнадцатый этаж, многим известна.

Потом, когда мы спустились, Габо увидел стоящие, как гробы, лифты и сказал одно слово: «Социализм!» Я помню крошечную страну Гваделупу в Атлантике, ее полностью накрыла тень от нашего самолета Ил-62, когда мы садились на экстренную дозаправку, помню фиалки, цветущие в декабре в Анкоридже на Аляске, я был в Афганистане и во Вьетнаме, во всех горячих точках, даже жил в пещерах в Лаосе, где человеческий след был поводом для бомбежки, поскольку война там шла много лет... Меня носило по всему миру, и я попадал в какие-то места потрясающие, и встречал потрясающих людей, и сейчас думаю, что это происходило по чьей-то воле... А может, по воле случая, я не

знаю.

– Сидели бы дома на печке, не происходило бы.

– Меня судьба с этой печки сдула бы!

– Судьба или все же характер? Я думаю, характер. Интерес. Азарт. У вас всегда главным был интерес к человеку. А он происходит не потому и не от того, что «так карты легли».

– Да, человек... Он был и остается главным. И каким бы потрясающим ни было место, где я оказался, я не описывал его, поскольку оно оставалось лишь фоном – для человека. Когда-то в полосе «Поступок», опубликованной в «Московском комсомольце», я размышлял о том, почему он, поступок, уходит из жизни. Говорить могут многие. «Поступать» – единицы. И еще, конечно, искренность... Знаешь, мне всегда казалось очень важным понять, что именно испытывает человек в острой ситуации, а если он погиб – что он думал в последний миг жизни. И думал ли вообще... Для меня не было просто «случая», не могло быть «просто убийства» стюардессы Нади Курченко, это был первый случай хайджекинга в мире, породивший подражателей, после чего облака в небе были забрызганы кровью... Человек! Принимающий решение, сопротивляющийся, сильный. Когда-то я понял, что в человека энергии заложено лет примерно на семьдесят жизни, и если он совершает какой-то подвиг, то большую часть этой энергии использует. Но он его совершает! И это странная и страшная вещь. Но не может быть иначе.

– А вы знаете, кстати, что многие журналисты сейчас жалуются на отсутствие тем и героев?

– Да? Конечно, чтобы ты имел в результате дело с выдающимися людьми, надо написать один или два сильных очерка. И к тебе начнет поступать информация, сама к тебе пойдет.

– Да, это журналистский закон... Кто «копает» и ищет, тот и находит. А что вы поняли про странное биологическое создание по имени человек?

– Представляешь, в мире до сих пор нет некоего консолидированного определения, что такое человек. Мое представление таково: человечество – это бесконечный человек. Человек, поступок. Человек преодолевающий. Что я понял? Что человек остается в основе своей человеком. Это важно. Люди похожи друг на друга, и похожими их делают не достоинства, а пороки. Непорочность же самого мира мне давно очевидна.

С появлением галстуков или ракет ничто в человеке глобально не меняется. Чисто профессионально усвоил, что человека, который работает в коллективе, нужно хвалить, если он этого достоин, но при этом не теряя чувства меры, чтобы не поставить его в совершенно отвратительное и неловкое положение, ведь природа людей известна... То же, что происходит в обществе сейчас, остановить невозможно. Как можно остановить оползень или сель, ну или грязекаменный поток в горах? Никак. Бессмысленно даже пытаться. Плотина может это удержать, важно следить, чтобы не было протечек... Авраам верил только в того, кто был до него. Мы верим лишь в тех, кто будет после нас. И в том, и в другом случае присутствует неверие. С неверия все беды и начинаются.

– Но послушайте: есть традиции, и традиции нашей журналистики всегда делали человека главным героем. Герой ли это соцтруда, учитель, механик – не суть. Все в журналистике держалось на встрече с ярким человеком, причем яркость определялась не должностью. Где это все сейчас? Днем с огнем не найдешь. Как же могли перемены случиться так быстро?

– Врач, оперирующий чей-то мозг, оперирует чей-то мир... Мне кажется, эта фраза много что иллюстрирует и дополняет. Журналистика – часть социального бытия. Она усваивает и впитывает все эвфемизмы, все токи, идущие от общества. Когда я написал о Шаварше Карапетяне, спасшем два десятка людей, «Литературная газета» несколько месяцев задыхалась от чудовищного количества в том числе коллективных писем – люди писали, требуя, чтобы его представили к награде. Такой вот градус равнодушия. Ручками писали, на бумаге, а это совсем не то что одним движением «лайкнуть». Сейчас, что бы ты ни

написал, ты не получишь такой почты, а размышлять, почему так – непродуктивное и пустое занятие. Произошла не перемена даже, а некое обрушение. Постепенно-стремительное, при всей противоречивости этих двух слов. Мысль материальна в той мере, в какой иллюзорен реальный мир. Если бы ты спросила о мечте, я бы сказал, что мечтаю о возвращении журналистики в прежнее состояние. Того же пожелал бы и обществу.

– Геннадий Николаевич, а почему люди вам так раскрывались?

– Хм... Да потому что я общительный! И потому что я прост. Да, брал тем, что я свойский парень без каких-то завиральных идей. Когда-то мы обедали втроем – Руслан Аушев, Иосиф Кобзон и я. И Руслан сказал: «Я Бочарова когда читал, представлял его таким огромным, здоровущим мужиком. А он – нормальный парень, простой, как... трусы!» Мы расхохотались, конечно, а спустя года полтора Иосиф Давыдович прислал мне новый свой диск с надписью: «Геннадию Бочарову, хорошему человеку, простому, как... трусы».

Запомнил! Но я такой и есть. Ты можешь думать о каких угодно высоких вещах, когда пишешь очерк, но когда общаешься – должен быть простым. Даже если ты знаешь в миллион раз больше, чем тот, с кем говоришь! То, что ты был в шестидесяти странах мира и общался с великими людьми, должно уйти, и это не игра. Иначе получится смешно. Все подмены очевидны: это когда девочка или мальчик подходят к какому-нибудь серьезному человеку и с умным видом спрашивают: «Какие у вас дальнейшие планы?» Это начиналось на телеформате, а потом трансформировалось куда смогло. Все.

– Сейчас откровенные интервью – это совсем другое...

– Пожалуй. Мне, кстати, кажется, что наш враг номер один – это телевидение, необходимое как коммуникационный инструмент, но варварски крушащее нравственные законы, закармливающее нас какими-то уродливыми поведенческими передачами и бесконечными моральными абортами. Мне 85, можно на все махнуть рукой, но

две мысли меня не оставляют в покое – мысли о здоровье близких и иллюзорном представлении о реальности тех людей, которые принимают решения. Пугает массовое презрение к рассудку.

– Вы к тому, что все и всех победил «золотой телец»?

– Да кто его знает, кто победил... Но для наших людей, которые 80 лет жили более-менее упорядоченно, произошедший в стране перелом оказался чрезмерным и непреодолимым. Изменилось все, я не склонен воспевать прежние времена – как человек, пять-семь лет жизни которого «отобрала» цензура, «главлит». Тем не менее мне удалось и в те времена выстроить целую галерею тех людей, которые умудрились совершить поступки, превышающие наши представления о возможностях человека. Когда мой очерк «Непобежденный» отправили в главную военную цензуру, я был готов к долгому ожиданию, ведь материал там мог вариться несколько недель. А меня пригласили туда через день, и начальник вышел навстречу и пожал руку. Так что разговор – не о времени. Ты просто должен написать так, чтобы поколебать у того, от кого зависит выход материала, все его представления о том, как должно быть.

– Это большие труды. Вам, автору термина «электронная щебенка», может, этого и не понять, но... Напряжение сегодня не в почете.

– Да, нужно иметь огромное желание написать так... Мной всегда двигало желание написать так, чтобы меня поняли. Вообще, это нормальное желание каждого человека, который хоть сколько-то интересуется тем, что его окружает.

Но ты знаешь, сегодня, в XXI веке, появилось немало людей, которые не знают о том, что они люди! Куда-то подевалось совершенно естественное желание узнавать, кто ты, что ты, зачем ты тут и для чего. А если нет желания понять себя, откуда возникнет желание понять другого? Зачем оно? Зачем понимать чужой поступок, если начинают интересоваться только свары и скандалы? Причем, пойми, это же не только у нас такие

процессы, это и в Америке, на Западе. Иисус – и тот заплакал один раз! Кто сейчас заплачет от очерка? Пару лет назад я писал про начальника разведки дивизии Дзержинского. Отличный мужик. Он прочел и сказал мне, что расплакался – пробило. Я был поражен! Потому что уже не плачут. Но знаешь что? Я совсем не хочу, чтобы создалось впечатление, что я тут вещаю о глобальной порче мира. Порча мира начиналась давно! Был такой поэт – Гесиод.

700 год до нашей эры, между прочим. И он уже тогда писал об этом! Ты понимаешь, какая истинная прочность заложена в этом мире, если до сих пор продолжается его порча, но при этом и жизнь? Я напечатал в этом году статью в «Российской газете» – «Колокол звонит по тебе». И там высказал эту мысль: при всей хрупкости человеческого рода поражает сила отдельного человека. Ну, собственно, это и есть основа моего подхода ко всему. Ну, безответственные люди, конечно, могут довести порчу до конца. А из роя мошкары журавлиный клин не выстроишь.

– Какая звонкая социальная пощечина! Но возразить нечего. Гесиод... А вы много читаете, кстати? Времени хватает?

– Читаю уже мало, увы! Если читаю, то до бесконечности перечитываю Стивена Хокинга и книгу его жены о нем «Быть Хокингом». Это что-то потрясающее. Он Эйнштейн второй.

– Что вас печалит?

– Колоссальный, пугающий, страшный непрофессионализм. Он подтачивает страну. Мне уже многих пришлось хоронить... Скажу так: если могильщик разучился копать могилу, делать ее стенки ровными, это верный признак того, что государство под угрозой.

– Говорите, что не любите размышлять, а «бросаетесь» философскими выкладками.

– Ладно уж! Но тут размышлял ночью, правда. Лежал и думал: как ошибаешься порой в людях! Если орел увидит перед собой чучело орла, он поймет, что это не орел. А у человека иначе...

– Иногда чучело гораздо привлекательнее!

– Конечно, о том и речь!

– Простите, Геннадий Николаевич, заранее за вопрос. Не могу не спросить. Вам выпало большое счастье, один-единственный счастливый брак, и самое страшное горе, которое только может быть, – потеря сына. Как вы нашли в себе силы жить дальше? Простите меня.

– Димочка... Да. Знаешь, отвечу... На земле много горя. И человек обязан своим осознанным интересом к миру и другим людям не своими достижениями, а утратами... Димины тексты сейчас издают, исследуют, делают лингвистический анализ его слов и интонаций, его прозу изучают в трех американских университетах. Я пишу в доме, который построил для него, где всюду – собранные им книги... Жизнь сама по себе ничего не значит, значит то, что ты в ней сделал... Дима сделал. Наше с женой утешение – изумительный внук, наш Санек, его жена Ирочка и двое чудесных правнуков. Санька с детства влюблен в железную дорогу, он машинист, водит электровозы, и грузовые, и пассажирские уже.

Дед у меня был главным инженером путей сообщения в Петербурге, и как-то генетически передалась эта любовь, через несколько поколений. А с женой Татьяной мы отметили в этом году 60-летие совместной жизни. Тата – изумительная красавица, я на ней женился, когда ей было пятнадцать с половиной лет, но на Украине брак разрешали с 15. Ей из-за моих поездок пришлось много переживать, я же то горел где-то, то Бермудский треугольник не мог перелететь...

Какие-то увлечения у меня, может, и случались, но мысль о том, чтобы остаться без Таты, не возникала ни разу. Сейчас на даче у нас образцовый участок и двадцать грядок, и Тата, несмотря на все болезни, втягивает меня во все это хозяйство, и это для меня сущий кошмар. Она, бедная, убивается на грядках, а я – еще беднее, потому что все собранное должен как-то обработать, да еще на мне наш «пищеблок». Так и живем!

– И – к юбилею. Не скромничайте. Есть чем гордиться, можете и похвастаться.

– Хвастаюсь. Некоторое время назад у меня вышло учебное издание для иностранных университетов по изучению современного русского языка. Горжусь! А еще знаешь что? Иностранцы пишут, что интервью в Россию пришло от них, а вот очерк – это чисто русское явление. И я тут попал в список девяти лучших очеркистов, который начинался с Герцена и Короленко.

И я один из всех перечисленных – живой. Ну, конечно, впечатлился. Приношу этот список другу. Он почитал, смотрит на меня и говорит: «Гек, список – мемориальный, да. Имеешь полное право видеть всех остальных в гробу!»

– Сейчас погибну от хохота. Долгих-долгих вам лет, Геннадий Николаевич!

– Нечего мне такого желать! Как пойдет. Чтобы ты знала, смерть спасает нас от ужаса бессмертия.

ДОСЬЕ

Геннадий Бочаров родился 25 сентября 1935 года. Работал шахтером, сотрудничал с харьковской молодежной газетой и корпунктами центральных изданий. Работал с 1966 года в «Комсомольской правде», затем в «Литературной газете», был политобозревателем ИТАР-ТАСС, «Известий», «Российской газеты». Автор репортажей и очерков. Награжден орденами и медалями, включая боевой орден Красной Звезды. Сын Г. Бочарова Дмитрий (Бакин) опубликовал две книги прозы. Его произведения переведены на несколько языков, критики сравнивали прозу Д. Бакина с текстами Платонова, Камю и Фолкнера. В 2017 году был посмертно награжден Бунинской премией «За яркий творческий вклад в русскую литературу».

Ольга Кузьмина

Пространство и время

Александр Куприянов, главный редактор «Вечерней Москвы»:

– Однажды Бочаров нес лампу-абажур по Лондону. Коробка не помещалась в автомобиле. Мне пришлось вести машину рядом, вдоль тротуара. Лампа была куплена Бочаровым на гонорар за книгу об Афганистане «Русская рулетка». Позже книга выйдет почти в тридцати странах мира. В России ее издадут только через три года. Дул сильный ветер, Бочаров тогда еще был не очень лысым человеком. И для того, чтобы ветер не трепал специально отращенные длинные пряди волос, он надел мою черную шляпу с широкими полями. Уместность Гека британскому пейзажу была очевидна. Мы тогда его так звали – Гек. Он был в клубном блейзере и в серых (по английскому стандарту) брюках. На Бочарова никто не оглядывался, хотя коробка парусила, а шляпа норовила слететь с головы. Более того, возникал эффект известного мальчика, который красил забор, а все остальные хотели отобрать у него кисть. Мне показалось, что пешеходы тоже хотели тащить эту штуку! Я несколько раз останавливал машину и выскакивал на тротуар, пытаюсь помочь счастливому обладателю небывалого огня. Лично мне лампа казалась Волшебной. Отобрать кисть не удалось. Бочаров лампы не отдал.

Другой эпизод связан с Афганистаном. Мы уходили с войны. Первая колонна советских танков шла из Джелалабада на Кабул. Мы сидели на броне головного танка. Глотали чудовищную пыль, скрипящую на зубах, и ловили букетики синих цветков, которые бросали нам афганские гимназистки. Гимназистки желали нам успешного возвращения домой. Колонну обстреливали. Бочаров ехал в джипчике, несколько театрального вида, принадлежащем, кажется, его другу, собкору телевидения Лещинскому. Он то обгонял нас, то мчался вперед по своим неотложным делам. Случайных дел в жизни Гека лично я не помню. Всякий раз, нагоняя нас, он передавал на броню сосуд с бодрящей влагой. Надо ли говорить о том, как мы ему были благодарны? Вечная проблема репортера – вписаться в пейзаж. В Пушкиногорье в свое время нашлись люди, которые сохранили ландшафт времен Пушкинского присутствия. Что очень важно. За выполнение этой

задачи они получили Государственную премию. Бочаров Государственную премию пока не получил. Но он счастливый человек. Он вписался не только в пространство, но и во время. Имеется в виду эпоха от Гайдара до... Ну, скажем, до Пелевина. «Чук и Гек», была такая притча Гайдара. Сейчас ее мало кто помнит. «Вот и настал век, в котором не будет большего греха, чем честность...» Это сказал герой другого произведения другого писателя – Дмитрия Бакина. Его проза уже вошла в мировые антологии. Дмитрий Бакин – сын Бочарова. Большое несчастье, он уже не с нами. И не многие читатели знают его «Пропадение пропадом».

Вне всякого сомнения, отец Бакина Геннадий Бочаров – большой грешник.

А та лампа по-прежнему горит в его доме. Хотя и прошло уже тридцать лет.

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**